

**ПРИВОЛЖСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР**

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В XXI ВЕКЕ**

**Сборник материалов
I Международной научно-практической конференции**

20 февраля 2013

Научно-издательский центр «Коллоквиум»

Йошкар-Ола • 2013

УДК 34
ББК 67
П78

Ответственный за выпуск:

*А. В. Бурков, д-р. экон. наук, профессор
Академии управления и права (Йошкар-Олинский филиал)*

- П78 **«Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке», I Международная науч.-практ. конф. (2013; Йошкар-Ола).** I Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке», 20 февраля 2013 г. [Текст]: [материалы] / Приволжский научно-исследовательский центр. – Йошкар-Ола: Коллоквиум, 2013. – 100 с.

ISBN 978-5-905371-43-1

В сборник вошли доклады, признанные лучшими на I Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке», состоявшейся 20 февраля 2013 года в г. Йошкар-Ола.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 34
ББК 67
П78

© Коллектив авторов, 2013
© ООО «Коллоквиум», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 5 | **А.Е. Жунисбай, А.А. Алайдаров**
Роль правосознания и правовой культуры в обеспечении стабильного развития Казахстана
- 10 | **Е.М. Терехов**
Правоинтерпретационная политика органов внутренних дел: понятие и существующие проблемы
- 16 | **М.С. Поройко**
Основные учения о праве в строении правовой системы Российской Федерации
- 22 | **И.Г. Назаров**
Суверенная демократия в России – новое явление нынешней действительности

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

- 28 | **О.А. Кравченко**
Вопросы правовых гарантий определения результатов выборов
- 32 | **М.И. Литовкина**
К вопросу организации контроля лекарственной безопасности за рубежом

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

- 45 | **К.В. Дядюн**
К вопросу о признаках объекта преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ
- 50 | **О.Ю. Овчухова**
Современный правовой статус прокурора в гражданском процессе

- 54 | **М.К. Самалдыков**
Киберпреступления в концепции проекта
УК Республики Казахстан

**ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ И ПУТИ
ЕЕ ЛИКВИДАЦИИ**

- 59 | **А.В. Лепешкина, О.С. Пустошинская**
К вопросу об осмыслении феномена коррупции
в различных науках

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

- 65 | **В.Г. Филиппов**
Ликвидация коммерческих организаций
в принудительном порядке
- 71 | **Д.И. Беляева, Е.А. Флоря**
Перспективы развития медиации (посредничества)
в Российской Федерации

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 75 | **Н.Н. Палаксова, И.А. Владимиров**
Право землепользования

**ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО
И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

- 79 | **К.Л. Сазонова**
Действующая система универсальной коллективной
безопасности: основные международно-правовые
проблемы
- 85 | **Ж.М. Аманжолов**
Поддержание регионального мира
и безопасности и роль статьи 52 УСТАВА ООН
в его правовом обеспечении

Ж.М. Аманжолов

**ПОДДЕРЖАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО МИРА
И БЕЗОПАСНОСТИ И РОЛЬ СТАТЬИ 52 УСТАВА ООН
В ЕГО ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ**

Возможность разработки и подписания региональных соглашений или создания и существования региональных органов предусмотрено и допущено главой VIII Устава ООН. В связи с тем, что «ни Устав ООН, ни материалы Сан-Францисской конференции по принятию Устава ООН не содержат определений таких важных понятий» [1, с. 139], не проводят между ними четких разграничений и как следствие не выделяют их самостоятельные юридические признаки и, более того, что принципиально немаловажно, не предусматривают для каждого из них *в отдельности* конкретные механизмы взаимоотношений с ООН, есть веское основание утверждать, что под ними в объективном и взаимообусловленном смысле подразумевается «региональная система безопасности». Она соответственно понимается как «совокупность принципов и норм, а также структура, действующие в пределах определенного международным соглашением региона и регулирующие сотрудничество государств региона в области поддержания мира и безопасности» [1, с. 139]. Подобное определение, сформулированное Э.С. Кривчиковой, позволяет говорить о том, что термины «региональные соглашения» и «региональные органы (организации)» применительно к существу поддержания регионального мира и безопасности являются относительно индивидуальными и соотносятся как взаимодополняемые понятия. Исходя из этого оно может иметь в целом противоположное значение по отношению к высказанному в международно-правовой доктрине не менее обоснованному мнению Н.А. Ушакова о том, что в главе VIII Устава ООН прежде всего говорится о неких региональных соглашениях и затем уже другое дело – обособленно и широко о региональных органах [2]. Полагаем, что в таком именно собирательном смысле указанные понятия будут использоваться и применительно к процессу Совещания по взаимодействию и мерам доверия (СВМДА), осуществляемого в контексте реализации соответствующей инициативы Казахстана с марта

1993 г. в форме международной межправительственной региональной конференции с участием 22 азиатских государств и 10 наблюдателей.

Глава VIII Устава ООН, которая называется «Региональные соглашения», в аспекте изложенного в п. 1 ст. 52 указывает, что ООН «не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий» [3, с. 20]. Из содержания данной правовой нормы вытекает, что речь в ней идет не только о юридической возможности установления типичного по характеру взаимодействия «между универсальной организацией общей компетенции и региональными образованиями, имеющими такую же компетенцию, но ограниченному определенным районом» [4, с. 185], но и о том, что она применима только к тем региональным соглашениям или органам, «которые занимаются вопросами, относящимися...» исключительно «к поддержанию международного мира и безопасности» [4, с. 185], а не ко всем областям международного сотрудничества. Термин «поддержание» при этом понимается таким образом, что он по своему смысловому значению подразумевает, во-первых, необходимость или востребованность сохранения стабильной ситуации в том или ином регионе, а во-вторых, оказания помощи и содействия ООН в обеспечении состояния защищенности в этом определенном районе через соответствующую местную организацию в качестве опорного механизма.

Очевидно, что в этом смысле и СВДМА, позиционирующее себя как будущая региональная организация в контексте указанной главы, может стать крайне важной частью данной системы военно-политических по характеру отношений, хотя оно намерено, исходя из конечной цели, уделять внимание созданию и другим, способствующим условиям мира и безопасности, дополнительных многосторонних гарантий. Сказанное тем самым подтверждает ту истину, согласно которой, как формально, так и фактически «всемирная безопасность немыслима без региональной» [5, с. 69], т.к. «на глобальном уровне она может существовать только при условии ее обеспечения в различных регионах» [4, с. 69]. Во многих случаях это связано с тем, что «именно ре-

гиональные международные организации позволяют наиболее эффективно и оперативно согласовывать воли своих членов в различных регионах мира» [6, с. 3]. Общий вывод в итоге заключается в том, что в формировании системы международной безопасности, которое происходит и продолжается в настоящее время, «немаловажная роль отведена региональным организациям» [7, с. 604], способным осуществлять соответствующую п. 1 ст. 52 Устава ООН коллективную деятельность в пределах части пространства, обособленную в результате выделения у нее особых международно-правовых признаков.

Вместе с тем Устав ООН в рамках этого и последующих пунктов вышеуказанной статьи содержит необходимый минимум требований для таких региональных структур безопасности, которым последние должны соответствовать в своей деятельности. Обязательное соблюдение этих требований рассматривается в качестве основного принципа и правового основания функционирования подобных учреждений и признания их составными частями всемирной (всеобщей, глобальной) системы безопасности. Как нам представляется, требования эти не являются исчерпывающими, однако, несмотря на этот возможно восполняемый в будущем пробел, они тем не менее не подлежат расширительному толкованию: региональные соглашения или органы и их деятельность должны быть совместимы с целями и принципами ООН; члены ООН, заключившие такие соглашения или составляющие такие органы, должны приложить все свои усилия для достижения мирного разрешения местных споров при помощи этих региональных соглашений или таких органов до передачи этих споров в Совет Безопасности (п. п. 1, 2 ст. 52) [3, с. 20].

Проанализируем вкратце содержание этих требований.

Цели и принципы ООН закреплены в ст.ст. 1 и 2 Устава организации. По нашему мнению, в совокупности цели можно рассматривать как предмет стремления этой организации достичь конкретно определенных задач в необходимых направлениях. Следовательно, вторые, следующие за ними принципы должны рассматриваться как основополагающие (или общепризнанные) нормы, способствующие их реализации. Так в соответствии со ст. 1 ООН преследует следующие цели: «поддерживать международный мир безопасность...»; «улаживать или разрешать в соот-

ветствии с принципами справедливости и международного права международные споры или ситуации...»; «развивать дружественные отношения между нациями на основе принципа равноправия и самоопределения народов...»; «осуществлять многостороннее сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам... и быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей» [3, с. 8, 9]. Несмотря на то, что в рамках указанной статьи вышеперечисленные цели ООН обозначены как общие, они в то же время представляют собой довольно четко согласованную систему правовых норм, устанавливающих «... самые основы взаимоотношений всех ее членов» [8, с. 137] и имеют ключевое значение при определении ее компетенции и согласовании действий всех членов (участников) под руководством организации.

Для достижения указанных целей, как гласит ст. 2 Устава ООН, организация и ее члены действуют, в частности, «в соответствии с принципами суверенного равенства всех ее членов»; «добросовестного выполнения принятых на себя обязательств по Уставу»; «воздержания в международных отношениях угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН»; «оказания всемирной помощи Организации во всех ее действиях в соответствии с Уставом и отказа от помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера» [3, с. 9].

И.И. Лукашук отмечал: цели и принципы Устава ООН, которые положены в основу мирового порядка, доказали свой непреходящий и универсальный характер [3, с. 492]. То, что они закрепились в одном, едином документе, вовсе не означает, что их нельзя было отразить и дальше развивать в других актах. Цели и принципы ООН были в последующем предусмотрены, в частности, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2734 (XXV) от 16 декабря 1970 г. «Декларация об укреплении международной безопасности», в Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международ-

ных отношениях от 18 ноября 1987г., в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г., в Декларации тысячелетия (Док. ООН A/RES/55/2) от 8 сентября 2000 г., в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 55/107 от 4 декабря 2000 г. «Содействие установлению демократического и справедливого международного порядка», в Итоговом документе Всемирного саммита от 15 сентября 2005 г. и в др. Однако не это обстоятельство является принципиально важным при определении их юридической природы. Следует отметить, что «содержание и направленность целей и принципов ООН... убеждает в наличии у этой организации» не только «...самостоятельной воли» [10, с. 411], но и необходимости полной совместимости с ними региональных соглашений и учреждений безопасности, поскольку она, т.е совместимость, предусмотрена Уставом ООН не столько как базовый критерий для их создания и функционирования, сколько и как главное условие признания последних в качестве правомерных (т.е. законных и легитимных одновременно) организаций. Как заявил в этой связи бывший Генеральный Секретарь ООН Б.Б. Гали, «...региональные соглашения или органы могут сослужить хорошую службу, если их деятельность будет предприниматься, таким образом, который совместим с целями и принципами Устава...» [11]. Более того, можно сказать, что совместимость с целями и принципами ООН определяет роль и место каждого из них в глобальной системе безопасности, характер взаимодействия с универсальной организацией, а также порядок подчиненности по отношению к этой организации. «Поэтому действия региональных организаций в сфере поддержания международного мира и безопасности...» действительно должны быть «совместимы с целями и принципами ООН», т.е. «не только не противоречить последним, но в своей основе с ними совпадать» [2]. В то же время, как это отмечается в п. 272 доклада Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам 2004 г., «их усилия не обязательно должны противоречить усилиям Организации Объединенных Наций и они не освобождают Организацию Объединенных Наций от ее главной ответственности за поддержание мира и безопасности» [12, с. 90]. Ключом, –

продолжается в документе, «является организация региональных действий в рамках Устава и целей Организации Объединенных Наций и любая региональная организация, с которой она работает, делали это более интегрированным образом, чем это было до сих пор» [12, с. 90].

Что касается другого требования, предусмотренного п. 2, а также п. 3 ст. 52 о необходимости мирного урегулирования споров, то здесь Устав ООН не предлагая и не раскрывая содержания определений, ограничил сферу деятельности последних мирным разрешением лишь «местных споров». Несмотря на такое различие полномочий между ООН и региональными органами, это требование распространяется не только на весь комплекс местных споров, но и местных ситуаций, которые как и первое понятие используются в Уставе ООН для квалификации конфликтных отношений, независимо от их предмета, времени и места возникновения, степени остроты и опасности для поддержания регионального мира и безопасности. При этом в ст. 52 говорится именно о местных спорах, под которыми, как это следует из уяснения подлинного намерения разработчиков Устава ООН и действительного смысла указанной статьи, принято понимать только споры в рамках одного регионального соглашения и любые споры между государствами-членами одного регионального органа, и таким образом, формально признанные разногласия между «государствами одного географического региона, не входящими в одну региональную систему безопасности, не являются «местными спорами» по смыслу ст.52» [13, с. 10]. Иначе «присвоить себе компетенцию разрешения споров между государством-участником и любым третьим государством означало бы для регионального органа претензию подменить собой всемирную организацию по поддержанию международного мира и безопасности в лице Организации Объединенных Наций» [2].

Самое главное в данном требовании – это то, что оно включает в себя обязанность государств по региональным соглашениям или органам решать споры *по существу*, и соответственно не оставлять их неразрешенными, воздерживаться от любых действий, которые могут их обострить, затруднить урегулирование, создать угрозу для поддержания мира и безопасности, а также нанести ущерб не только отдельным государствам, но и всем другим ос-

тальным участникам данных региональных соглашений или органов. В рамках рассматриваемой обязанности государства, заключившие региональные соглашения или составляющие региональные органы, располагают правом свободного выбора только конкретного средства мирного разрешения местных споров. К таковым, как это определено в ст. 33 Устава ООН, относятся: переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство и иные мирные средства [3, с. 16]. К иным мирным средствам можно отнести добрые услуги, механизм разрешения споров органами ООН, механизмы разрешения споров, предусмотренные специальными соглашениями [14, с. 304], в том числе и регионального характера. Среди последних можно отметить Межамериканский договор о мирном разрешении споров 1948 г. (Боготинский пакт), Европейскую конвенцию о мирном разрешении споров, принятую Советом Европы в 1957 г., Конвенцию по примирению и арбитражу, заключенную в рамках СБСЕ/ОБСЕ 1992 г. и др.

Если учредительные или другие акты региональной системы безопасности не предусматривают для государств-членов обязательства разрешать возникающие между ними споры с ее помощью, то последние имеют право свободно выбирать любое мирное средство или любую мирную процедуру по своему усмотрению, в том числе исключительно и «иные мирные» или совершенно другие новые, особые, которые могут появиться в практике их взаимоотношений в рамках регионального образования, т.е. стороны могут на основе взаимного согласия прибегать к любому из этих перечисленных средств или процедур, но с учетом того, что любые споры, возникающие между ними, должны быть разрешены в соответствии с Уставом ООН и международным правом. Региональные же соглашения при этом не только не должны служить препятствием или барьером по предоставлению такой возможности для государств-участников, но и предусматривать обязательство об использовании всех внутренних средств, когда они применимы, избегая, таким образом, способов «немирного» урегулирования. Относительно последнего особо следует указать тот факт, что Генеральная Ассамблея одобряя своей резолюцией 37/10 от 15 ноября 1982 г. Манильскую декларацию о мирном разрешении международных споров, разработанную в соответст-

вии с Уставом ООН, содействовала закреплению в п. 13 раздела I этого документа нормы, согласно которой «ни наличие спора, ни безрезультатное применение процедуры мирного разрешения спора не дают права применять силу или угрозу силой ни одному из государств, являющихся сторонами в споре» [15, с. 422]. Данная норма, которая применима и к «местным спорам» в рамках региональной системы безопасности, соответственно не допускает «немирных оговорок» при их рассмотрении, и если даже они сопровождаются, по мнению или по вине спорящих сторон, с теми или иными непреодолимыми трудностями.

Обязанность разрешать «местные споры» мирными средствами включают в себя еще два дополнительных требования, а именно требование о скорейшем и справедливом разрешении спора «на основе неукоснительного выполнения временных рамок урегулирования, согласованных спорящими сторонами, а также требование о продолжении усилий по урегулированию, если взаимно согласованный способ урегулирования не принес положительных результатов» [16, с. 673]. Однако, и в этом случае сохраняются решающие полномочия Совета Безопасности расследовать любой спор, в том числе и местный, или любую ситуацию, которая, как гласит ст. 34 Устава ООН, «...может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать поддержанию мира и безопасности» [3, с. 16]. Это означает, что согласно Уставу ООН расследование споров и ситуаций (в том числе местных, переданных в Совет Безопасности), продолжение которых могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, а также вынесение по ним решений и принятие соответствующих действий относятся только к компетенции Совета Безопасности и, никакой другой орган ООН – главный или вспомогательный, в частности Генеральная Ассамблея, Генеральный Секретарь и т.д., не наделен по Уставу ООН такого рода функциями. Из вышеизложенного также следует, что никакие региональные соглашения о методах мирного урегулирования споров не могут противоречить соответствующим нормам Устава ООН, закрепленным в ст.ст. 33-38 главы VI («Мирное разрешение споров»).

Обобщая содержание вышеизложенного необходимо еще раз

отметить, что в рамках региональных соглашений или региональных органов государства должны прилагать все усилия для мирного разрешения местных споров до их передачи в Совет Безопасности. Со своей стороны «Совет Безопасности должен поощрять развитие применения принципа мирного разрешения местных споров, при помощи таких региональных соглашений или таких региональных органов, либо по инициативе заинтересованных государств, либо по своей собственной инициативе» (п. 3 ст. 52) [3, с. 20]. Вместе с тем это вовсе не означает, что Совет Безопасности ООН не может на любой стадии спора провести расследование с целью определения, не угрожает ли продолжение спора поддержанию международного мира и безопасности.

Проанализировав п.п. 1, 2, 3 ст. 52 Устава ООН, которые как по общему смыслу, так и по направленности содержания имеют ясно выраженный региональный характер в области поддержания международного мира и безопасности, можно сделать в обобщенном виде ряд нижеследующих выводов. Они, следовательно, должны быть учтены и в рамках процесса СВДМА и служить основами для выработки рекомендаций, необходимых в деле становления и дальнейшего развития юридических и функциональных основ деятельности Совещания.

Прежде всего следует отметить, что в рамках главы VIII применительно к региональным соглашениям или органам Устав ООН не содержит общепризнанного международным сообществом государств юридического толкования этих понятий. За исключением доктринальных утверждений единообразно понимаемых определений указанных терминов, видимо, и не существует. В этом смысле «ссылки на позиции отдельных государств в момент выработки Устава ООН или в последующем мало что дают, кроме констатации существенных разногласий между ними» [2]. Но, тем не менее, мы придерживаемся такого подхода, согласно которому в главе VIII Устава ООН, в частности, в ст. 52 одновременно говорится о двух взаимосвязанных понятиях. Не случайно отмеченный раздел Устава организации носит наименование «региональных соглашений» подразумевая под ними не столько специальные международные договоры, сколько учредительные акты соответствующих региональных образований, которые на их основе могут быть наделены функциями и полномочиями, отно-

сящимися к поддержанию международного мира и безопасности. Далее Устав ООН предъявляет достаточно исчерпывающие, конкретно установленные требования не только к созданию, но и к функционированию региональных соглашений или органов, кроме того, признает таковыми только те международные договоры или организации, деятельность которых при всех обстоятельствах *действительно* совместима с целями и принципами всемирной организации. В свою очередь формальное осуществление требуемых действий не освобождает государств-участников или государств-членов от добросовестного выполнения обязательств по Уставу. Сообразовывая деятельность в соответствии с целями и принципами ООН, а также взаимодействуя с универсальной организацией, региональные соглашения или организации обеспечивают своим участникам или членам в совокупности права и преимущества, необходимые для поддержания мира и безопасности в определенных зонах юридической ответственности. Сказанное однако не означает, что региональные соглашения или организации, специализирующиеся на вопросах обеспечения безопасности (как, впрочем, и все другие аналогичные объединения государств по иным направлениям сотрудничества), являются вспомогательными структурами ООН: они создаются и функционируют фактически самостоятельно.

При этом важно заметить, что было бы более правильным говорить именно о целях и принципах ООН, а не о целях и принципах Устава ООН, т.е. о реально действующих, вполне точно определенных целях и принципах всемирной организации, закрепленных *в этом правовом акте, а не о целях и принципах этого отдельного акта*. Иными словами, об идентичных, но не совпадающих как с точки зрения значения, так и с точки зрения корректности понятиях, как это часто встречается, к сожалению, в преамбулах (текстах) договоров о региональных системах безопасности. Такая формулировка в целом характерна сегодня для аналогичных актов и многих других существующих региональных учреждений, и, что интересно, и для формирующихся в этом качестве образований, конкретнее для СВДМА. Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами-членами СВДМА, принятая 14 сентября 1999 г., не является в этом смысле исключением. В преамбуле этого документа госу-

дарства-члены Совещания подтверждают «свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций» [17], уважают «двусторонние и многосторонние договоры, соответствующие принципам и целям Устава ООН...» (здесь, кстати, логически и юридически нарушен порядок приоритетности), считают необходимым развитие лучшего взаимопонимания и более тесных отношений между собой «во всех областях в соответствии с целями и принципами Устава ООН...» [17], в разделах IV и VIII документа они обязуются «защищать принципы Устава ООН...» [17] «действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН» [17] и т.д., в то время грамотнее было бы, как это четко и однозначно предусмотрено собственно в Уставе ООН, сформулировать в тексте Декларации предложения об уважении, подтверждении, обязательствах соблюдать или совершать те или иные значимые действия *в соответствии с преследуемыми Организацией Объединенных Наций целями и принципами, закрепленными в Уставе ООН.*

Согласно ст. 52 Устава ООН способы и методы разрешения «местных споров», необходимые для укрепления коллективной безопасности, определяются каждым региональным соглашением или региональным органом самостоятельно, но при условии, если ими будут приложены все усилия (использованы все средства) для их мирного урегулирования до передачи в Совет Безопасности. При этом в рамках регионального механизма речь, как правило, должна идти не только собственно о спорах, но и о ситуациях, которые употребляются в других статьях Устава ООН (п.1 ст.33, ст. 34) и которые также могут «привести к международным трениям или вызвать спор». Вместе с тем учитывая те факты, согласно которым перечень видов мирных средств разрешения споров и ситуаций, предусмотренных Уставом ООН не является исчерпывающим и в сущности остается традиционным, а некоторые из них признаются рекомендательными, а также не забывая то обстоятельство, что в своем нормативном и практическом развитии они не должны оставаться неизменными, в рамках той или иной региональной системы безопасности разрабатываются и принимаются соответствующие «местные акты».

Необходимость заключения подобного акта представляется поэтому целесообразной и в рамках сферы деятельности

СВДМА, который являясь всеобъемлющим международным договором, мог бы принимая во внимание отсутствие определений в Уставе ООН, *не только восполнить существующий пробел, но и конкретизировать понятие «местных споров или ситуаций» и их видов, а также с учетом особенностей региона закрепить собственную комплексную систему процедур урегулирования* возникающих между государствами-участниками разногласий в соответствии с требованиями того же Устава ООН. Особенно желательно, если такой договор, в отличие от действующих аналогичных соглашений, не будет ограничиваться только известными средствами мирного разрешения споров, в частности, перечисленными в ст. 33 Устава ООН, а предоставит спорящим сторонам свободу выбора из достаточно разнообразного и усовершенствованного списка средств. Это позволит укрепить в общем аспекте правовой регламентации происходящие процессы взаимодействия и мер доверия в Азии в направлении постепенного создания и юридического оформления отсутствующих постоянных механизмов мирного разрешения споров, а не ограничиваться лишь поисками так называемого политически «общеприемлемого» метода, что имело место в практике взаимоотношений государств-участников СБСЕ в период 1975-91 гг. и что *в принципе* свойственно в нынешнее время государствам Азии и АТР, не только как участвующим, так и не участвующим в процессе СВДМА, но и сотрудничающим между собой в рамках АСЕАН, АТЭС, ШОС, СААРК, ДАС и других региональных учреждений. Поэтому, наверняка, следует ожидать, что большинство из них будет против принятия юридически обязательного документа, аргументируя свои возражения в основном тем, что предусмотренная в нем «общерегиональная система урегулирования споров и ситуаций» дублирует уже существующие в международном праве механизмы и что они еще не готовы по разным объективным и/или субъективным соображениям признать международно-правовой характер обязательств в этой сфере. Не исключено также, что в силу сложившихся в течение длительного времени установок многие государства – участники и неучастники Совещания могут рассматривать обязанность разрешать свои споры в его рамках как абсолютно должное поведение. Тем не менее этот вопрос необходимо поднимать в контексте осуществляемой институциона-

лизации СВДМА, избегая при этом детальное обсуждение проблемы комплиментарности или субсидиарности, не характерной пока в общерегиональном масштабе для азиатской действительности. Заключение «местного акта» о мирных средствах в то же время не означает, что они «...должны превращаться из безусловного приоритета в единственный метод разрешения международных споров» [18, с. 3].

Список литературы:

1. Кривчикова Э.С. Международно-правовые основы европейской безопасности // Европейское международное право: Учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова, П.В. Саваськов. М.: Междунар. отношения, 2009. 408 с.
2. Ушаков Н.А. Правовое использование силы в международных отношениях // http://www.pravo.vuzlib.org/book_z747_page_12.html.
3. Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Колосов Ю.М. и Кривчикова Э.С.Т. 1. М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. 864 с.
4. Мохаммад Т. Глобальная и региональная системы коллективной безопасности на современном этапе (международно-правовые аспекты). Дисс. докт. юрид. наук. СПб., 2004. 404 с.
5. Рахманов А.Р. Международно-правовые аспекты всеобъемлющей безопасности // Государство и право. № 2. 2003. С. 67-74.
6. Павловский В.В. Шанхайская организация сотрудничества: борьба с терроризмом. Основные тенденции развития // Закон и право, № 3. 2006. С. 3-5.
7. Gray C. The use force and the international legal order. // International Law (by M. Evans edition). Oxford press, 2006. 589-604 pp.
8. Бобров Р.Л., Малинин С.А. Организация Объединенных Наций (международно-правовой очерк). Л: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 83 с.
9. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов // И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. 544 с.

10. Бекашев К.А. Право Организации Объединенных Наций. Специализированные учреждения ООН // Международное публичное право: Учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашев, Е.Г. Моисеев, В.В. Устинов [и др.]; отв.ред. К.А. Бекашев. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 1008 с.
11. Гали Б.Б. Повестка дня для мира. Доклад Генерального Секретаря ООН. A/47/277-S/24411. 31 января 1992 г.
12. Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Док. Генеральной Ассамблеи ООН A/59/565+Corr/ 1/ 2 декабря 2004 г. // <http://www.un.org./russian/secureworld/part9.htm/>
13. Эмин В.Г. Региональные конфликты и международные организации. М.: Изд-во «Феникс», 1991. 74 с.
14. Кривчикова Э.С. Мирное разрешение международных споров // Международное право: Учебник. Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2000. 720 с.
15. Действующее международное право. Документы в 2-х т. Т.1. Составители Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Учебное пособие. Междунар. отношения, Юрайт-Издат, 2007. 768 с.
16. Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир, 2010. 960 с.
17. Декларация принципов, регулирующих отношения между государствами членами СВДМА. Алматы. 14 сентября 1999 г. // Текущий архив Секретариата СВДМА.
18. Чижов П.В. Военные санкции в международном праве. Дисс. канд. юрид. наук, Казань, 2003. 208 с.

АМАНЖОЛОВ Жайсанбек Меирбекулы – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Казахского Национального университета имени Аль-Фараби.